

УДК 159.9.072 + 159.92

DOI: 10.18384/2310-7235-2021-4-21-39

ОСМЫСЛЕННОСТЬ ЖИЗНИ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ ВОЛОНТЁРОВ

Попова Т. А.^{1,2}, Мазанова А. Е.³

¹ Психологический институт Российской академии образования»
125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, Российская Федерация

² Московский институт психоанализа
121170, г. Москва, Кутузовский пр-т, д. 34, стр. 14, Российская Федерация

³ Приволжский исследовательский медицинский университет Министерства
здравоохранения Российской Федерации
603950, г. Нижний Новгород, пл. Минина и Пожарского, 10/1, Российская
Федерация

Аннотация

Цель. Проанализировать подходы к изучению психологических аспектов волонтерской деятельности, а также проверить гипотезу о наличии особенностей в осмысленности жизни и ответственности личности волонтеров.

Процедура и методы. Авторами проведён анализ научных работ и эмпирического материала по изучению психологических аспектов волонтерской деятельности. В статье представлены результаты исследования особенностей осмысленности жизни и ответственности личности среди волонтеров и лиц, не имеющих отношения к добровольческой деятельности. В исследовании приняли участие 186 человек, из них 163 женщины и 23 мужчины, возраст респондентов – 18–62 года. Среди них были выявлены 96 волонтеров и 90 человек, не имеющих отношения к добровольческой деятельности. Для проведения исследования были применены методики: «Тест смысловых ориентаций», методика «Жизненное предназначение», «Уровень субъективного контроля (УСК)», многомерно-функциональная диагностика ответственности «ОТВ-70», тест жизнестойкости.

Результаты. Результаты исследования показали наличие статистически значимых различий в показателях осмысленности жизни, локуса контроля и аспектах ответственности в группах волонтеров и лиц, не занимающихся волонтерством. У волонтеров также была выражена ориентация руководителя. Волонтеры имели более высокие показатели гармоничности осуществления жизненных предназначений, проявляли большую ответственность и возможность к самоконтролю в деятельности, а ситуативная нерешительность и конформность была выражена у волонтеров значительно меньше, чем в группе респондентов, не занятых волонтерством. Содержательный анализ показал, что смысловые профили осознанности жизненных предназначений в вербальном плане в сравниваемых группах также различались.

Теоретическая и/или практическая значимость. Работа вносит вклад в исследование психологических аспектов волонтерства. Полученные данные могут быть полезны при составлении программ профориентации в волонтерских движениях, тренингов для фор-

мирования и актуализации профессионально важных качеств будущих волонтеров и профилактики эмоционального выгорания, а также лечь в основу исследования психологических механизмов развития устойчивости личности волонтера в условиях адаптации и в критических ситуациях.

Ключевые слова: волонтер, волонтерство, добровольчество, ответственность, осмысленность жизни, жизненное предназначение

MEANINGFULNESS OF LIFE AND VOLUNTEERS' PERSONAL RESPONSIBILITY

T. Popova^{1,2}, A. Mazanova³

¹ *Psychological Institute of the Russian Academy of Education
ul. Mokhovaya 9, str. 4, Moscow 125009, Russian Federation*

² *Moscow Institute of Psychoanalysis
prosp. Kutuzovskiy 34, str. 14, Moscow 14121170, Russian Federation*

³ *Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Privolzhsky
Research Medical University» of the Ministry of Health of the Russian Federation
pl. Minina and Pozharskogo 10/1, Nizhny Novgorod 603950, Russian Federation*

Abstract

Aim. To analyze approaches to the study of psychological aspects of volunteer activity; and to test the hypothesis that there are specific features in life meaningfulness and volunteers' personal responsibility.

Methodology. The authors analyzed scientific papers and empirical material about the psychological aspects of volunteer activity. The article presents the study results about special features of life meaning and personal responsibility among volunteers and non-volunteers. The study involved 186 people, of which 163 were women, and 23 were men, the age of respondents was 18-62 years. 96 people were volunteers and 90 – were non-volunteers. The following methods were used in the research: "Life-purpose orientations test", the technique "Life Purpose," "Level of subjective control," multidimensional-functional diagnosis of responsibility "OTV-70", a test of resilience.

Results. The study results showed statistically significant differences in measures of a meaningful life, locus of control, and aspects of responsibility in groups of volunteers and non-volunteers. Volunteers also expressed a leader orientation. Volunteers had higher indicators of the harmony of the implementation of life's purposes and showed greater responsibility and self-control in activities. Situational indecision and conformism were expressed among volunteers much less than in the non-volunteer group. A meaningful analysis showed that the semantic profiles of meaningfulness of life's destinations in verbal terms in the compared groups also differed.

Research implications. The work contributes to the study of the psychological aspects of volunteering, the data obtained can be useful in the preparation of career guidance programs in volunteer movements, training for the formation and updating of the important professional qualities of future volunteers, and the prevention of emotional burnout, as well as form the basis for the study of the psychological mechanisms of the development of the stability of the personality of a volunteer in conditions of adaptation and critical situations.

Keywords: volunteer, volunteering, responsibility, the meaningfulness of life, life destination

Введение

Добровольческая деятельность, также называемая волонтерством, – явление не новое. Но сегодня оно выступает важным социальным институтом и принимает новые формы социальной активности. Сегодня более 100 тыс. волонтеров регионов России оказывают помощь населению в период пандемии COVID-19, в связи с чем медицина и социальная работа как точка приложения волонтерской деятельности стали особенно значимы.

За последние годы институт волонтерства показал высокий потенциал развития: согласно данным ВЦИОМ (2018), ожидалось, что в ближайшие 1–2 года 68% россиян (а в возрастной группе 18–24 лет – 80%) будут выражать готовность участвовать в безвозмездной поддержке других людей¹. Вместе тем наблюдается разрыв между теми, кто заявляет о потенциальной готовности к добровольческой деятельности, и числом людей, действительно участвующих в волонтерстве².

Тема добровольчества находит отражение в трудах отечественных и зарубежных психологов и социологов: М. В. Певной, Н. С. Пряхникова, О. В. Алмазовой, Е. С. Азаровой, М. С. Яницкого, Е. И. Холостовой,

Л. Е. Сикорской, Д. Майерса, М. Олчмана, М. Дарли, Л. Хастинкс, Ф. Ламмертина, Л. Саламона и др.

К. А. Палкин на основе анализа отечественной и зарубежной литературы по проблемам волонтерства заключает, что в центре внимания учёных находятся вопросы специфики этого явления и его реализации в социальной практике. Автор отмечает, что количество исследований, связанных с изучением собственно психологических или личностных феноменов волонтеров, в научной литературе представлено недостаточно [7].

Одним из наиболее распространённых теоретических подходов к изучению мотивации волонтеров является функциональный. По оценке О. А. Боковой и Ю. А. Мельниковой, существует ограниченное число работ по изучению личности волонтеров, т. к. в большинстве исследований фокус внимания смещён на раскрытие деятельностного и процессуального подходов к волонтерству [2]. Такие работы основываются на том положении, что человек остаётся волонтером до тех пор, пока эта деятельность продолжает выполнять функции, соответствующие его мотивам. В связи с этим оптимальный способ подбора волонтеров – это соотнесение волонтерской деятельности с мотивацией человека [8].

Л. Хастинкс, Ф. Ламмертин представляют волонтерство как многомерную систему. Структурно-поведенческие и мотивационно-поведенческие особенности волонтерства определены авторами по шести разным направлениям: биографическая система координат, мотивационная структура, курс и интенсивность при-

¹ Опрос ВЦИОМ «Корпоративное волонтерство: от теории к практике» 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2018/2018-04-06_volonterstvo.pdf (дата обращения: 01.08.2021).

² Об утверждении Концепции развития добровольчества (волонтерства) в РФ до 2025 г.: Распоряжение Правительства РФ от 27.12.2018 № 2950-р [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/72139562>. (дата обращения: 01.08.2021).

верженности деятельности, организационная среда, выбор области деятельности и отношение к оплачиваемой работе [12].

Как было отмечено ранее, наиболее широко в отечественных и зарубежных исследованиях представлены исследования мотивации добровольчества.

По заключению Е. И. Холостовой¹, мотивы вступления в ряды волонтеров разнообразны: это могут быть нравственные и религиозные убеждения, потребности общения, принадлежности к группе, реализация способностей и творческого потенциала, возможность направить активность на улучшение деятельности какой-либо организации, социального института или жизни других, желание обрести профессию, расширение социальных и деловых контактов.

Е. С. Азарова и М. С. Яницкий выделяют следующие детерминанты волонтерской деятельности: 1) личностные (в них входят мотивы, потребности, ценностно-смысловая система, эмоциональные особенности, направленность личности и др.); 2) коммуникативно-деятельностные (успешность деятельности, стиль общения, содержание и процесс обучения и др.); 3) социально-психологические (система поощрения, содержание деятельности, влияние общественного внимания и признания и др.) [1].

О. Н. Яницкий на основе исследования работы волонтеров в кризисных центрах добавляет к вышеперечисленному дополнительный мотив и потреб-

ность: желание справиться с личными и семейными проблемами [9].

Отметим другие работы, посвященные мотивации волонтеров.

Х. Анхейер, Л. Саламон предложили комплекс трёх взаимосвязанных неизолированных друг от друга мотивационных факторов, которые приводят людей в добровольчество: альтруистические мотивы, инструментальные причины и обязательства [10].

А. Юнг в «восьмиугольной» модели мотивации волонтерства выделил четыре измерения мотивации по два полюса в каждом: «получение – отдача», «действие – мысль», «новизна – продолжительность», «сближение – дистанция» [14].

Э. Дж. Клэри, М. Снайдер, Р. Ридж предложили шкалу «Реестр волонтерских функций» (“Volunteer Functions Inventory”) (VFI) для оценки мотивации волонтеров, состоящую из 30 критериев [11].

С. Т. Гюнтерт, И. Штрубель, Э. Кальс, Т. Венер рассматривают волонтерство через теорию самоопределения личности. Возможная успешность волонтерской деятельности, по мнению исследователей, может быть связана либо с опытом самоопределения и волеизъявления, либо с опытом давления и контроля, с другой стороны [13].

А. В. Бабицева в качестве ведущих мотивов участия человека в социально значимой деятельности называет реализацию личностного потенциала, проявление своих способностей и возможностей, осуществление жизненного предназначения. В поддержании данной мотивации важная роль отводится осознанию человеком

¹ Теория социальной работы: учебник для магистров / Е. И. Холостова и др. М.: Дашков и К°, 2018. С. 404–412.

внутреннего потенциала, осмысленности жизни, определению жизненного предназначения и стиля жизни¹. Автор также выделяет присутствие идеалистических мотивов (альтруизм, желание и ценность доброты и пр.), компенсаторных мотивов (преодоление одиночества, решение проблем, ожидание ответной помощи), мотивов получения выгоды (установление контактов, профессиональные пробы и пр.), а также мотивов личностного роста и расширения социального взаимодействия.

В настоящее время добровольчество признаётся социально одобряемой и социально важной работой. Набор в добровольческие организации довольно часто широко освещается в СМИ, интернете, информация о волонтерах распространяется среди студентов в вузах.

Работа волонтера подразумевает определённую цель: быть активным и полезным участником жизни общества. Эта цель, вероятно, достигается благодаря личностной активности и инициативности, твёрдой гражданской позиции, умению делать выбор и отвечать за последствия своих действий, стойкости к препятствиям, осознанию смысла в осуществляемой деятельности.

По мнению О. С. Васильевой и Е. А. Демченко, принятие ответственности за свою жизнь, осмысленность жизни, выстроенная система ценностей и целей выступают важнейшими характеристиками жизненной стратегии человека и во многом определяют результат активности личности [3]. Согласно Д. А. Леонтьеву,

«Ответственность – это осознание способности выступать причиной изменений в себе и в мире и осознанное управление этой способностью» [6].

В. Э. Чудновский отмечает, что смысл жизни влияет на успешность в различных областях деятельности, а также на формирование устойчивости личности вследствие активного преобразования жизненных обстоятельств и самостоятельного создания благоприятных условий для реализации жизненных целей [4; 5].

При учёте особой социальной значимости труда волонтера остро стоит вопрос глубокого изучения особенностей личности участников разных направлений добровольчества. Работы, посвящённые данной теме, могут лечь в основу выработки практических рекомендаций по подбору волонтеров с учётом характера добровольческой деятельности, особенностей их обучения и создания мер профилактики выгорания волонтеров.

Процедура исследования

Целью исследования было выявление особенностей осмысленности жизни и ответственности личности волонтеров.

Гипотеза исследования состояла в предположении, что среди волонтеров и лиц, не имеющих отношения к добровольческой деятельности, существуют значимые различия показателей осмысленности жизни и ответственности.

В исследовании были применены следующие **методики**:

1. методика «Тест смысложизненных ориентаций (СЖО)» (Д. А. Леонтьев);
2. методика «Жизненное предназначение» (О. И. Мотков);

¹ Бабичева А. В. Волонтерство: прошлое, настоящее, будущее: сборник материалов по подготовке волонтеров. Самара.: 2016. С. 40–41.

3. методика «Уровень субъективного контроля (УСК)» (Е. Ф. Бажин, Е. А. Голынкина, А. М. Эткинд);

4. «многомерно-функциональная диагностика ответственности “ОТВ-70”» (В. П. Прядеин);

5. тест жизнестойкости (Д. А. Леонтьев, Е. И. Рассказова).

Респонденты также заполняли анкету, содержащую информацию об имени / псевдониме, поле, возрасте, образовании, направлении трудовой деятельности, стаже волонтерства и направлении добровольческой деятельности.

Статистическая обработка данных проводилась с использованием программы “IBM SPSS Statistics 26”. В качестве статистического метода сравнения двух независимых групп использовали критерий Манна-Уитни. Корреляционный анализ был проведён по критерию Спирмена. Статистически значимыми считали различия при $p < 0,05$ (отмечено «*»).

В исследовании приняли участие 186 человек: 163 женщины и 23 мужчины. Группа № 1 – 96 волонтеров (83 женщины и 13 мужчин, возраст – от 18 лет до 61 года, стаж волонтерства – от 1 года до 12 лет). Группа № 2 – 90 человек (80 женщин и 10 мужчин, возраст – от 19 лет до 61 года), не имеющих отношения к добровольческой деятельности. Участники групп имели схожие социально-демографические характеристики.

Группу волонтеров составили участники «Нижегородской Службы Добровольцев», волонтеры-медики Приволжского исследовательского медицинского университета Нижнего Новгорода, волонтеры-психологи проекта «#мывместе2020», волонтеры по-

исковых отрядов, участники международных волонтерских программ (организация «Сфера»), волонтеры экологических инициатив, спортивных мероприятий, культурных программ и др. Средний возраст в группе волонтеров – 29,56 лет, средний стаж волонтерской деятельности – 3,27 года. 19,79 % (19 чел.) респондентов-волонтеров отметили, что направление их добровольческой деятельности совпадает с профессиональной областью: медициной, психологией, педагогикой и пр.

Средний возраст респондентов, не занимающихся волонтерством, – 29,21 лет. Наличие постоянной занятости (трудовой или учебной) отметили 71 % волонтеров и 76,4 % неволонтеров.

Результаты исследования

Результаты исследования уровня осмысленности жизни (табл. 1) показали, что среднее значение показателя осмысленности жизни волонтеров составляет $108,01 \pm 17,77$, а в группе респондентов, не занимающихся волонтерством, – $101,48 \pm 18,89$. Согласно методике «Тест смысловых ориентаций (СЖО)», указанные значения соответствуют среднему уровню осмысленности жизни.

Среди волонтеров 42,71% (41 чел.) имели высокий уровень осмысленности жизни, средний – 48,96% (47 чел.) и низкий – 8,33% (8 чел.).

Во второй группе высокий уровень осмысленности жизни отмечен у 27,78% (25 чел.), средний – у 56,67% (51 чел.) и низкий – у 15,56% (14 чел.) респондентов.

По результатам исследования было выявлено, что в группе волонтеров

Таблица 1 / Table 1

Результаты исследования уровня осмысленности жизни волонтеров и респондентов, не занимающихся волонтерством / Results of research of the meaningfulness level in the life of volunteers and non-volunteers

Шкала СЖО	Группа 1. Волонтеры		Группа 2. Не занимающиеся волонтерством		U- критерий	z	p
	Ср. значение	Ст. откл.	Ср. значение	Ст. откл.			
Цели в жизни	32,97	6,38	31,64	6,98	3812,000	-1,387	0,17
Процесс	31,36	6,15	28,74	6,48	3230,000	-2,977	0,00*
Результат	27,15	5,13	25,08	5,67	3293,500	-2,805	0,01*
Локус контроля-Я	21,53	4,03	20,44	4,38	3649,000	-1,835	0,07
Локус контроля-жизнь	32,71	5,93	31,16	6,15	3557,000	-2,084	0,04*
Общий показатель	108,01	17,77	101,48	18,89	3352,500	-2,638	0,01*

10,42% имеют низкий уровень сформированности жизненных целей, тогда как в другой группе этот показатель был равен 13,33%.

Уровень удовлетворенности настоящим у 41,67% респондентов-волонтеров был высоким, среди не-волонтеров такой уровень был характерен для 14,44%. Около 90% волонтеров ощущали удовлетворенность продуктивностью своей жизни. При этом низкий уровень удовлетворенности прожитой частью жизни был отмечен всего у 12,50% волонтеров и 14,44% не-волонтеров.

7,29% волонтеров и 11,11% респондентов группы, не занимающейся волонтерством, склонны думать, что свобода выбора жизненных целей и их реализация иллюзорны, а человек не способен контролировать свою жизнь. 8,33% волонтеров и 11,11% лиц, не занимающихся волонтерством, не верят в свои силы контролировать события

собственной жизни, не считают себя достаточно свободными в реализации жизненных планов.

Статистически значимые различия в показателях осмысленности жизни в двух группах выявлены в общем уровне осмысленности жизни ($U = 3352,50$, $z = -2,638$, $p = 0,01$), уровне положительной оценки процесса ($U = 3230,0$, $z = -2,977$, $p = 0,001$) и результативности ($U = 3293,5$, $z = -2,805$, $p = 0,01$) жизни, локуса контроля-«Жизнь» ($U = 3557,0$, $z = -2,084$, $p = 0,04$). Волонтеры дают более высокую оценку удовлетворенности и интересуются процессом жизни, считают свою жизнь наполненной смыслом, эмоционально насыщенной и полной. Для волонтеров также характерны более высокие показатели результативности жизни и удовлетворенности самореализацией.

Оценка содержания и особенностей жизненных предназначений в двух группах выполнялась с помощью ме-

Таблица 2 / Table 2

Результаты исследования жизненных предназначений волонтеров и респондентов, не занимающихся волонтерством / Results of research of the life destinations of volunteers and non-volunteers

Показатель ориентации	Группа 1. Волонтеры		Группа 2. Не занимающиеся волонтерством		U- критерий	z	p
	Ср. значение	Ст. откл.	Ср. значение	Ст. откл.			
Исполнитель	3,05	0,87	3,51	0,93	3454,00	-2,40	0,02*
Творец	3,29	1,08	2,74	1,03	3191,50	-3,10	0,00*
Руководитель	3,58	0,97	3,38	1,01	3826,00	-1,36	0,17
Подчинённый	2,87	1,04	3,01	1,19	3959,00	-0,99	0,32
Поддержка других	3,93	0,89	3,73	1,01	3906,00	-1,15	0,25
Поддержка себя	2,67	0,87	2,66	1,00	4291,50	-0,08	0,94
Ситуативная ориентация	3,22	1,03	3,51	1,12	3563,00	-2,16	0,03*
Духовная ориентация	3,17	1,34	2,92	1,36	3975,00	-0,96	0,34
Вера в себя	4,22	0,99	4,30	0,95	4074,50	-0,73	0,46
Действенность ЖП	3,79	1,10	3,73	1,15	4168,00	-0,43	0,66
Гармоничность ЖП	4,00	0,58	3,78	0,69	3498,00	-2,24	0,02*

тодики О. И. Моткова «Жизненное предназначение» (табл. 2). Жизненные предназначения представляют собой индивидуальные предпочтения (могут быть осознаваемы и не осознаваемы), ориентации на развитие и совершение определённых видов деятельности. Жизненные предназначения также определяют направленность процесса самореализации человека.

Оценка действенности жизненных предназначений, позволяющая определить активность процесса осуществления жизненных предназначений, показала, что как в группе волонтеров, так и в группе не-волонтеров этот показатель находился на среднем уровне.

Гармоничность осуществления жизненных предназначений, у волонтеров была выражена на высоком уровне ($4,00 \pm 0,58$). А у лиц, не участвующих в

добровольчестве, – на среднем уровне ($3,78 \pm 0,69$).

У волонтеров не выражена ориентация в паре «Исполнитель – Творец», значения показателей говорят об их готовности как к творческой, так и к контролируемой деятельности. В паре «Руководитель – Подчинённый» у волонтеров выражена ориентация руководителя ($3,58 \pm 0,97$), что говорит о желаемой роли лидера. В то же время в другой группе была выражена ориентация «Исполнительности», что говорит о склонности действовать по инструкциям и в чётких границах своих полномочий.

В обеих группах была выражена ориентация «Поддержка других»; вместе с тем, в группе, не занимающейся волонтерством, также была выражена ситуативная ориентация, что говорит

о том, что решения респондентами принимаются предметно, роль ситуации в этих моментах была ведущей.

У волонтеров в паре «Ситуативная – Духовная ориентация» не выражена ведущая ориентация, показатели ситуативной и духовной ориентации близки ($3,22 \pm 1,03$ и $3,17 \pm 1,34$ соответственно), они указывают на опору как на ситуативные факторы, так и на общие ценностные принципы (например, идеалы, ценности, установки и пр.) при принятии решений волонтерами.

В обеих группах была выражена вера в собственные силы для осуществления жизненных предназначений и самореализации.

Сравнение групп с помощью критерия Манна-Уитни выявило статистически значимые различия в показателях «гармоничность жизненных предназначений» ($U = 3498,00$, $z = -2,24$, $p = 0,02$), «исполнительность», ($U = 3454,00$, $z = -2,40$, $p = 0,02$), «творчество» ($U = 3191,50$, $z = -3,10$, $p = 0,00$), «ситуативная ориентация» ($U = 3563,00$, $z = 2,16$, $p = 0,03$). Среди неволонтеров наиболее выражена ориентация на исполнительность, а результаты волонтеров демонстрируют гибкость в подходах к деятельности, расширенном репертуаре поведения в зависимости от поставленной задачи.

Особый интерес представляет содержательный анализ осознанности жизненных предназначений в вербальном плане, оценка которого проводилась на основе свободного ответа респондентов на открытый вопрос методики: «Моё жизненное предназначение состоит в ...».

Для качественного анализа вербальной оценки респондентами жизненных предназначений мы воспользовались

категориями для исследования представлений человека о системе смыслов собственной жизни В. Ю. Котлякова [4].

Так как ответы на вопрос о жизненном предназначении не регламентировались правилами и нормами, ответы респондентов не всегда можно было строго отнести к единственной категории. Мы также встречали довольно объёмные ответы. В связи с этим проведённое нами деление на группы является весьма условным, поскольку ответ респондента в зависимости от содержания мог быть отнесён к нескольким категориям.

В группе волонтеров преобладали альтруистические смыслы (отмечены у 49 волонтеров, что составляет 51,04%). Примеры ответов: «Моё жизненное предназначение – в спасении людей», «Самореализация себя необходима для пользы миру, обществу и отдельным людям (семья, работа, общ. жизнь, волонтерство, творчество и др.)».

На втором месте по распространённости были мотивы самореализации, отмеченные у 20 волонтеров (20,83%). Примеры их ответов: «...в проявлении всех своих скрытых и явных талантов, умений», «...в самосовершенствовании».

Семейные смыслы выделили 19 волонтеров (19,79%). Примеры ответов на вопрос «Моё жизненное предназначение – это»: «...помочь детям найти свой путь и определиться с жизненными позициями», «...вырастить детей», «...семья».

Статусные смыслы отмечались у 7 волонтеров («...в карьере»), в основном в сочетании с другими мотивами («...в новациях в медицине, поисках новых методов исследований в меди-

цине (и не только), помощи людям и направлении их в правильное русло», «...в успешной карьере врача, создании счастливой семьи» и др.).

Гедонистические мотивы отметили 6 человек («Жизнь в гармонии со своими желаниями», «Прожить полную и интересную жизнь»), из них 4 в сочетании с другими смысловыми категориями («Жить полной и счастливой жизнью; Создать счастливую семью; помогать тем, кто в этом нуждается больше, чем я», «В получении счастья. Его можно приобрести посредством выполнения целей и задач, которые ты ставишь. Мне повезло, потому что я люблю учиться, люблю науку и постижение разных сфер (от медицины до программирования), и достижение в них определенных результатов приносит мне состояния абсолютного счастья», «Жить с пользой для себя и для других»).

Коммуникативные смыслы («...в общении с людьми») были отмечены только в сочетании с другими категориями (альтруизм, семья).

К экзистенциальным смыслам были отнесены представления о жизненных представлениях 4 волонтеров (Жизненное предназначение: «...в самой жизни», «...чтобы просто жить» и др.).

Помимо этого, когнитивные смыслы присутствовали в сочетании с другими мотивами (альтруистическими, самореализации): «...в том, чтобы внести вклад в устойчивое развитие мира (защите окружающей среды, борьбу с социальным и экономическим неравенством) через свою образовательную и профессиональную деятельность, а также примером личного образа жизни», «...в познании мира и помощи

другим людям», «том, чтобы собирать, систематизировать знания, получать по ним опыт и передавать их другим людям, трансформировать сознания других людей, особенно женщин, воссоединять семьи, в т. ч. сплотить свой близкий круг родственников».

Не смогли дать ответ на вопрос о собственном жизненном предназначении 14,74 % (14 чел.) волонтеров (примеры ответов: «...самому ещё надо понять, в чём оно состоит», «Пока не знаю»).

Представления о жизненном предназначении в группе респондентов, не занимающихся волонтерством, отличались. Так, 35,55 % (32 чел.) выделили семью, семейные мотивы в качестве жизненных предназначений. Примеры ответов на вопрос «Моё жизненное предназначение»: «...в моей семье, воспитании детей», «...чтобы сделать всё для счастья своей семьи и близких людей», «... – семья», «...в заботе о своих детях», «... – быть хорошей мамой для своих детей», «... в помощи близким», «... – правильно воспитать ребёнка», «... – воспитать ребёнка» и др.

Были ответы, сочетающие семейные и гедонистические представления о жизненном предназначении: «Сделать счастливой себя, дать почву для развития и нормального существования своего ребенка», – сочетающие семейные, статусные (карьерные) и гедонистические смыслы (например, «Быть счастливой. Стать отличным врачом. Уметь совмещать карьеру и семью. Правильно воспитать своих детей. Помогать своей семье (маме, бабушке, дедушке и т.д.)»).

Альтруистические мотивы в оценке жизненного предназначения были выявлены у 30% группы, не занимающей-

ся волонтерством. Примеры ответов на вопрос «Моё жизненное предназначение»: «... в поддержке и помощи людям, с помощью опоры на свой жизненный опыт», «... – любить окружающий мир и быть нужной людям», «в том, чтобы помогать людям, я это решила ещё с раннего детства: что что бы ни случилось, я пойду в медицинский и буду лечить людей и помогать им, к этому я стремлюсь и по сей день, мне нравится видеть улыбки людей, испытываю радость, когда они выздоравливают, вижу благодарность в их глазах, это и движет мной», «... в желании сделать жизнь других людей лучше», «... – создание чего-то полезного для человечества», «в оказании помощи, сохранении и укреплении здоровья людей, совершенствовании медицинских познаний и врачебного мастерства», «в помощи другим людям» и др.

Гедонистические мотивы были отмечены у 8,89 % (8 чел.), чаще в сочетании с семейными. Примеры ответов: «...чтобы жизнь мне понравилась», «... – помощь другим людям и создание крепкой, счастливой семьи».

Статусные смыслы присутствовали в ответах 7,78 % не-волонтеров (7 чел.), зачастую они были совмещены с семейными мотивами (Моё жизненное предназначение: «...в учёбе в “Меде”, далее работа и, конечно же, создание семьи», «Мои цели – это стать хорошим специалистом, качественно выполнять свою работу и обзавестись семьёй. Стандартно всё. На вопросы отвечала так, будто под словом предназначение подразумевается слово *цель*», «... – создание семьи, помощь близким мне людям и тем, кто в ней нуждается, познание своей профессии»).

Экзистенциальные мотивы отмечались у 3,33% респондентов, не занимающихся волонтерством (примеры ответов: «Нахождении на пути», «Жить», «В самом процессе жизни»).

В данной группе респондентов 23,33 % (21 чел.) не смогли дать ответ на вопрос о своём жизненном предназначении (примеры ответов: «Я не знаю, так как я не задумывался на этом», «Я не знаю до сих пор», «На данный момент неизвестно», «Не знаю», «Хороший вопрос... знать бы ответ», «Не знаю, в том, чтобы найти это предназначение для начала» и пр.)

Результаты тестирования по методике «УСК» (табл. 3) показали, что в группе волонтеров отмечен интернальный локус контроля (общая интернальность: $34,54 \pm 19,94$, что соответствует 6 стенам). В группе лиц, не имеющих отношения к добровольчеству, средний показатель интернальности составил $28,57 \pm 27,0$, что даёт основания говорить об экстернальном локусе контроля (табл. 3).

Выявленный в группе волонтеров интернальный локус контроля говорит о том, что волонтеры склонны считать себя ответственными за результаты своей жизни. Экстернальный локус контроля, выявленный в группе не-волонтеров, может указывать на склонность респондентов отводить ведущую роль обстоятельствам, а не собственным усилиям и поступкам.

Как волонтеры, так и не-волонтеры имели интернальный локус контроля в области достижений, семейных и межличностных отношений, а экстернальность была отмечена в области неудач, производственных отношений и здоровья.

Таблица 3 / Table 3

Результаты исследования уровня интернальности волонтеров и респондентов, не занимающихся волонтерством / Results of research of the internality level of volunteers and non-volunteers

Область интернальности	Группа 1. Волонтеры			Группа 2. Не занимающиеся волонтерством			U- критерий	z	p
	Ср. значение	Ст. откл.	Стены	Ср. значение	Ст. откл.	Стены			
Достижения	11,13	8,21	7	8,64	8,50	6	3529,50	-2,156	0,03*
Неудачи	6,44	7,66	5	6,60	6,00	5	4318,50	-0,004	1,00
Семейные отношения	3,71	6,66	6	3,79	4,00	6	4185,50	-0,367	0,71
Производственные отношения	9,44	7,06	5	6,89	7,50	4	3446,50	-2,383	0,02*
Межличностные отношения	3,78	4,16	6	3,21	3,00	6	3916,00	-1,105	0,27
Здоровье	2,58	3,25	5	2,07	2,00	5	3951,00	-1,009	0,31
Общая интернальность	34,54	19,94	6	28,57	27,00	5	3569,50	-2,046	0,04*

Статистически значимые различия имелись в показателях общей интернальности ($U=3569,50$, $z=-2,046$, $p=0,04$), интернальности в области достижений ($U=3529,50$, $z=-2,156$, $p=0,03$), производственных отношений ($U=3446,50$, $z=-2,383$, $p=0,02$). У волонтеров интернальность была более выражена в области достижений и производственных отношений. Волонтеры имели более высокий уровень субъективного контроля над благоприятными ситуациями, были склонны видеть в успехе результат собственных усилий. А интернальность в области трудовых отношений была связана с тем, что волонтеры видели собственную роль в развитии общего дела и жизни коллектива.

Проведенное многомерно-функциональное исследование ответственности у волонтеров и лиц, не имеющих отно-

шения к добровольчеству, по методике «ОТВ-70» показало, что в динамическом компоненте ответственности в обеих группах была выражена эргичность, что говорит о том, что волонтеры и не-волонтеры проявляют самостоятельность при выполнении сложных и ответственных задач, способны к самоконтролю над деятельностью (табл. 4).

В мотивационном компоненте ответственности в обеих группах социцентричность находилась на высоком уровне, т. е. общественные интересы преобладали над личными. Респонденты обнаруживали стремление выполнять ответственную деятельность в том числе и из чувства приверженности к группе, коллективу или из чувства долга перед обществом.

В когнитивном компоненте ответственности в обеих группах на высоком уровне была выражена осмыс-

Таблица 4 / Table 4

Результаты многомерно-функционального исследования ответственности волонтеров и респондентов, не занимающихся волонтерством / Results of a multidimensional functional research of the responsibility of volunteers and non-volunteers

Компонент ответственности	Показатель	Группа 1. Волонтеры		Группа 2. Не занимающиеся волонтерством		U-критерий	z	p
		Ср. значение	Ст. откл.	Ср. значение	Ст. откл.			
Динамический	ОТВ_ДЭ	26,97	4,41	25,11	5,79	3536,00	-2,14	0,03*
	ОТВ_ДАЭ	16,36	4,75	18,52	6,09	3380,50	-2,56	0,01*
Мотивационный	ОТВ_МС	24,76	4,41	23,68	5,72	3975,00	-0,94	0,35
	ОТВ_МЭ	15,82	5,09	17,76	6,26	3497,00	-2,25	0,02*
Когнитивный	ОТВ_КО	27,07	4,46	27,40	4,68	4048,50	-0,74	0,46
	ОТВ_КОС	17,03	6,01	17,76	5,48	3896,50	-1,16	0,25
Результативный	ОТВ_РП	27,22	4,25	25,83	4,60	3481,00	-2,29	0,02*
	ОТВ_РС	27,06	4,71	25,73	4,95	3616,00	-1,92	0,05
Эмоциональный	ОТВ_ЭС	28,23	4,97	26,87	5,87	3781,50	-1,47	0,14
	ОТВ_ЭА	21,05	6,13	23,19	5,51	3537,00	-2,14	0,03*
Регуляторный	ОТВ_РИ	26,77	4,30	26,02	4,59	3914,50	-1,11	0,27
	ОТВ_РЭ	15,15	4,74	16,33	5,37	3717,00	-1,65	0,10

Условные обозначения: ДЭ – «динамическая эргичность», ДАЭ – «динамическая аэргичность», МС – «социоцентрическая мотивация», МЭ – «эгоцентрическая мотивация», КО – «когнитивная осмысленность», КОС – «когнитивная осведомлённость», РП – «предметная результативность», РС – «субъектная результативность», ЭС – «стеническая эмоциональность», ЭА – «астеническая эмоциональность», РИ – «регуляторная интернальность», РЭ – «регуляторная экстернальность».

ленность, связанная с целостным и многоаспектным пониманием ответственности и её отражениями в проявлениях свободы, долга, совести и других категориях.

В результативном компоненте ответственности у волонтеров и респондентов, не ведущих добровольческой деятельности, одновременно была выражена предметность и субъектность. Деятельностная ориентация была направлена как на общественно-полезный результат, так и на достижение

собственных целей и возможности самореализации.

В эмоциональном компоненте в обеих группах отмечалась стеничность, означающая преобладание положительных эмоций при участии в ответственной деятельности.

В регуляторном компоненте у волонтеров и в группе не занимающихся волонтерством, интернальность была расположена на высоком уровне. При этом у волонтеров показатели экстернальности не были выражены, а в группе

Таблица 5 / Table 5

Результаты исследования уровня жизнестойкости волонтеров и респондентов, не занимающихся волонтерством / Results of research of the resilience (hardiness) level of volunteers and non-volunteers

Компоненты жизнестойкости	Группа 1. Волонтеры		Группа 2. Не занимающиеся волонтерством		U-критерий	z	p
	Ср. значение	Ст. откл.	Ср. значение	Ст. откл.			
Вовлечённость	38,18	8,94	34,57	8,69	3306,000	-2,77	0,01*
Контроль	30,11	7,39	27,58	8,07	3579,500	-2,02	0,04*
Принятие риска	19,23	4,53	17,38	5,39	3448,000	-2,38	0,02*
Жизнестойкость общ.	87,52	18,73	79,52	19,68	3363,500	-2,61	0,01*

не-волонтеров они имели ситуативное проявление при объяснении неблагоприятных результатов деятельности.

Статистически были подтверждены различия в следующих компонентах ответственности: динамическая эргичность, динамическая аэргичность, эгоцентрическая мотивация, предметная результативность, астеническая эмоциональность. У волонтеров уровень предметности ответственности был значимо выше. Это подразумевает самоотверженное выполнение ответственных коллективных дел при преобладании общественной значимости над личной. Вместе с тем у волонтеров также отмечался высокий уровень субъектности, что означает высокую степень приоритетности дел, имеющих личностную значимость и связанных с возможностью самореализации и самосовершенствования.

У не-волонтеров значимо выше были показатели выраженности отрицательных эмоций при необходимости выполнения и при неуспехе в ответственном деле.

Статистическое сравнение показало, что у волонтеров более выражен

приоритет социоцентрических мотивов деятельности, добровольность при участии в общественно-полезных делах, а также для них характерен более низкий уровень эгоцентрических мотивов деятельности по сравнению с группой не-волонтеров.

С помощью «Теста жизнестойкости» был произведён анализ этого показателя среди респондентов. Жизнестойкость выступает способом включённости в отношения с окружающим миром, означает готовность действовать в отсутствие predetermined гарантий успеха.

Результаты показали, что как в группе волонтеров, так и в группе не-волонтеров отмечался средний уровень жизнестойкости (табл. 5).

У волонтеров показатели вовлечённости в процесс жизни и контроля находились в пределах нормативных значений, а принятие риска было выражено на высоком уровне. Это значит, что волонтеры рассматривают жизнь с позиции приобретения опыта, проявляют готовность действовать в ситуации, где успех неочевиден; они готовы осмысливать пережитый опыт

для более эффективных стратегий действия в будущем.

Среди тех, кто не занимается волонтерством, были отмечены средние значения по шкалам «Вовлечённость в процесс жизни», «Контроль», а показатели по шкале «Принятие риска» были ниже статистической нормы.

Нами были обнаружены статистически значимые различия по всем шкалам методики «Тест жизнестойкости». В группе волонтеров показатели вовлечённости ($U = 3306,0$, $p = -2,77$, $p = 0,01$), контроля ($U = 3579,5$, $z = -2,02$, $p = 0,04$), принятия риска ($U = 3448,0$, $z = -2,38$, $p = 0,02$) и общий уровень жизнестойкости ($U = 3363,50$, $z = -2,61$, $p = 0,01$) были выше, чем в группе тех, кто не занимается волонтерством. Эти результаты свидетельствуют о том, что волонтеры в большей степени готовы действовать с опорой на собственные силы в сложных, стрессовых ситуациях, воспринимают их как менее угрожающие и успешнее справляются со стрессами.

С помощью корреляционного анализа (корреляция Спирмена) выявлены взаимосвязи показателей осмысленности жизни и ответственности личности в двух группах респондентов.

В обеих группах были найдены прямые взаимосвязи между осмысленностью жизни и жизнестойкостью ($r = 0,778$, $p < 0,01$ в группе волонтеров; $r = 0,78$, $p < 0,01$ для не-волонтеров), осмысленностью жизни, интернальностью в области достижений и общей интернальности ($r = 0,548$ и $r = 0,515$ $p < 0,01$ для волонтеров; $r = 0,453$ и $r = 0,426$ $p < 0,01$, для не-волонтеров).

В обеих группах также были обнаружены прямые корреляционные связи

между показателями осмысленности жизни и действенности и гармоничности жизненных предназначений ($p < 0,01$), а также веры в собственные возможности их реализации ($p < 0,01$).

Обратные взаимосвязи обнаружены между уровнем осмысленности жизни и следующими компонентами ответственности в группе волонтеров: динамическая аэргичность ($r = -0,602$, $p < 0,01$), эгоцентрическая мотивация ($r = -0,415$, $p < 0,01$), астеническая эмоциональность ($r = -0,440$, $p < 0,01$), регуляторная экстернальность ($r = -0,414$, $p < 0,01$).

Среди не-волонтеров нами была обнаружена обратная взаимосвязь уровня осмысленности жизни и динамической аэргичности ($r = -0,509$, $p < 0,01$).

В результате проведенного исследования нами не было выявлено значимых корреляционных взаимосвязей между осмысленностью жизни и компонентами ответственности с возрастом респондентов и их стажем волонтерства.

Заключение

Результаты исследования позволяют *подтвердить гипотезу, что у волонтеров и лиц, не имеющих отношения к добровольческой деятельности, существуют значимые различия показателей осмысленности жизни и ответственности*. В отличие от лиц, не занимающихся волонтерской деятельностью, у волонтеров удовлетворённость результатами жизни, интернальность, принятие риска, гармоничность жизненных предназначений находились на высоком уровне. На наш взгляд, такие показатели у волонтеров достигаются за счёт благоприятствующих факторов, таких как интернальный локус контроля, осознанность и

направленность жизненных предназначений, вера в осуществление самореализации и жизнестойкость. У волонтеров выражена ориентация на лидерство, поддержку других с опорой на ценностные принципы и ситуативные факторы. Отмечаются гибкость в подходах к деятельности, расширенный репертуар поведения в зависимости от поставленной задачи.

Волонтеры по сравнению с теми, кто не принимает участие в волонтерской деятельности, обладают более высоким уровнем жизнестойкости и интернальности, что нашло статистическое подтверждение. Различия также подтвердились и в выраженности следующих компонентов ответственности у волонтеров и лиц, не занимающихся волонтерством: динамическая эргичность, динамическая аэргичность, эгоцентрическая мотивация, предметная результативность, астеническая эмоциональность.

Как волонтеры, так и не занимающиеся волонтерством показали высокий уровень веры в собственные силы для исполнения жизненных замыслов и самореализации, экстернальность в области неудач, производственных отношений и здоровья и интернальность в области достижений, семейных и межличностных отношений. Для обеих групп также характерны выраженность таких компонентов ответственности, как динамическая эргичность, социоцентрическая мотивация, когнитивная осведомленность, предметная и субъектная результативность. Отметим, что у волонтеров и у лиц, не занимающихся волонтерством, наряду с социально значимыми мотивами деятельности проявляется использование участия в коллективных делах для

достижения личностных целей, получения одобрения, поощрения или избегания осуждения, наказаний.

Особый исследовательский интерес представлял содержательный анализ осознанности жизненных предназначений в вербальном плане. Он показал, что смысловые профили осознанности жизненных предназначений в сравниваемых группах различаются. Так, в группе волонтеров этот профиль представлен следующими категориями: на первом месте стоят альтруистические смыслы, на втором – мотивы самореализации, на третьем – семейные смыслы, и на четвертом – гедонистические. В группе респондентов, не занятых волонтерской деятельностью, в профиле жизненных предназначений на первом месте стоят семейные смыслы, на втором – альтруистические, на третьем – гедонистические и на четвертом – статусные.

Проведенная работа вносит вклад в исследование психологических аспектов волонтерства, результаты исследования могут быть полезны психологам, общественным, социальным организациям, организаторам добровольческих движений в качестве основы для составления критериев подбора кандидатов в волонтеры, а также создания программ профориентации, профилактики эмоционального выгорания и тренингов для формирования и актуализации профессионально важных компетенций будущих волонтеров. Результаты также могут быть использованы в качестве основы для изучения психологических механизмов развития устойчивости личности волонтеров в критических ситуациях и в условиях адаптации.

*Статья поступила
в редакцию 14.09.2021.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Азарова Е. С., Яницкий М. С. Психологические детерминанты добровольческой деятельности // Вестник ТГУ. 2008. № 306. С. 120–125.
2. Бокова О. А., Мельникова Ю. А. Концептуальное обоснование методического комплекса для психологического исследования личности волонтера // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 5 (72). С. 372–375.
3. Васильева О. С., Демченко Е. А. Изучение основных характеристик жизненной стратегии человека // Вопросы психологии. 2001. № 2. С. 74–84.
4. Исследование проблем смысла жизни и акме (возрастной, профессиональной и социореабилитационный аспекты) / В. Э. Чудновский, А. А. Бодалев, Г. А. Вайзер, Е. Е. Вахромов, Н. Н. Карпова, А. В. Суворов, А. В. Торопова // Психологический журнал. 2004. № 1. С. 129–135.
5. Котляков В. Ю. Система жизненных смыслов // Вестник КемГУ. 2013. № 2 (54). С. 148–153.
6. Леонтьев Д. А. Феномен ответственности: между недержанием и гиперконтролем // Экзистенциальное измерение в консультировании и психотерапии: сборник научных трудов. Т. 2. 2005. С. 7–22.
7. Палкин К. А. Состояние и перспективы изучения психологических детерминант волонтерской деятельности // Психолого-педагогические исследования. 2017. Т. 9. № 4. С. 99–107.
8. Сухарькова М. П. Подходы к изучению мотивации участия в практиках волонтерства // Теория и практика общественного развития. 2017. № 9. С. 12–16.
9. Яницкий О. Н. Волонтеры: гражданские и государственные // Социальная наука и социальная политика. 2014. № 1. С. 71–87.
10. Anheier H. K., Salamon L. M. Volunteering in cross-national perspective: Initial comparisons // Law and Contemporary Problems. 1999. Vol. 62. P. 43.
11. Clary E. G., Snyder M. The motivations to volunteer: Theoretical and practical considerations // Current directions in psychological science. 1999. Vol. 8. № 5. P. 156–159.
12. Hustinx L., Lammertyn F. Collective and Reflexive Styles of Volunteering: A Sociological Modernization Perspective // International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations. 2003. Vol. 14 (2). P. 167–187.
13. The quality of volunteers motives: Integrating the functional approach and self-determination theory / S. T. Guntert, I. T. Strubel, E. Kals, E. Wehner // Journal of Social Psychology. 2016. Vol. 156. Iss. 3. Pp. 310–327.
14. Yeung A. B. The Octagon Model of Volunteer Motivation: Results of a Phenomenological Analysis // Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations. 2004. № 15. Pp. 21–46.

REFERENCES

1. Azarova E. S., Yanickij M. S. [Psychological determinants of volunteerism]. In: *Vestnik TGU* [Tomsk State University Journal of Psychology], 2008, no. 306, pp. 120–125.
2. Bokova O. A., Mel'nikova Yu. A. [Conceptual substantiation of the methodological complex for the psychological study of the personality of the volunteer]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of science, culture, education], 2018, no. 5 (72), pp. 372–375.
3. Vasil'eva O. S., Demchenko E. A. [Studying the main characteristics of a person's life strategy]. In: *Voprosy psihologii* [Questions of Psychology], 2001, no. 2, pp. 74–84.
4. Chudnovsky V. E., Bodalev A. A., Vayzer G. A., Vakhromov E. E., Karpova N. N., Suvorov A. V., Toropova A. V. [Research of the problems of the meaning of life and acme (age,

- professional and socio-rehabilitation aspects)]. In: *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2004, no. 1, pp. 129–135.
5. Kotlyakov V. Yu. [System of life meanings]. In: *Vestnik KemGU* [Bulletin of Kemerovo State University], 2013, no. 2 (54), pp. 148–153.
 6. Leont'ev D. A. [The phenomenon of responsibility: between incontinence and hyper-control]. In: *Ekzistencial'noe izmerenie v konsul'tirovanii i psihoterapii: sbornik nauchnykh trudov* [Existential dimension in counseling and psychotherapy: a collection of scientific works], 2005, vol. 2, pp. 7–22.
 7. Palkin K. A. [State and prospects of studying the psychological determinants of volunteer activity]. In: *Psihologo-pedagogicheskie issledovaniya* [Psychological and pedagogical research], 2017, vol. 9, no. 4, pp. 99–107.
 8. Suhar'kova M. P. [Approaches to the study of motivation for participation in volunteering practices]. In: *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2017, no. 9, pp. 12–16.
 9. Yanickij O. N. [Volunteers: civil and state]. In: *Social'naya nauka i social'naya politika* [Social science and social policy], 2014, no. 1, pp. 71–87.
 10. Anheier H. K., Salamon L. M. Volunteering in cross-national perspective: Initial comparisons. In: *Law and Contemporary Problems*, 1999, vol. 62, p. 43.
 11. Clary E. G., Snyder M. The motivations to volunteer: Theoretical and practical considerations. In: *Current directions in psychological science*, 1999, vol. 8, no. 5, pp. 156–159.
 12. Hustinx L., Lammertyn F. Collective and Reflexive Styles of Volunteering: A Sociological Modernization Perspective. In: *International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 2003, vol. 14 (2), pp. 167–187.
 13. Guntert S. T., Strubel I. T., Kals E., Wehner E. The quality of volunteers motives: Integrating the functional approach and self-determination theory. In: *Journal of Social Psychology*, 2016; vol. 156, iss. 3, pp. 310–327.
 14. Yeung A. B. The Octagon Model of Volunteer Motivation: Results of a Phenomenological Analysis. In: *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 2004, no. 15, pp. 21–46.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Попова Татьяна Анатольевна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории консультативной психологии и психотерапии, Психологический институт Российской академии образования; доцент кафедры психотерапии и психологического консультирования, Московский институт психоанализа;
e-mail: elenia2@yandex.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8772-8990>

Мазанова Анна Евгеньевна – ассистент кафедры общей и клинической психологии, Приволжский исследовательский медицинский университет;
e-mail: mazanova.a.e@mail.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8772-8990>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatyana A. Popova – Cand. Sci. (Psychology), Senior Researcher, Laboratory of Counseling Psychology and Psychotherapy, Psychological Institute of the Russian Academy of Education; Assoc. Prof., Department of Psychotherapy and Psychological Counseling, Moscow Institute of Psychoanalysis;
e-mail: elenia2@yandex.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8772-8990>

Anna E. Mazanova – Assistant Lecturer, Department of General and Clinical Psychology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Privolzhsky Research Medical University» of the Ministry of Health of the Russian Federation;
e-mail: masher804@mail.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8772-8990>

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Попова Т. А., Мазанова А. Е. Осмысленность жизни и ответственность личности волонтеров // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2021. № 4. С. 21–39.
DOI: 10.18384/2310-7235-2021-4-21-39

FOR CITATION

Popova T. A., Mazanova A. E. The meaningfulness of life and volunteers' personal responsibility. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2021, no. 4, pp. 21–39.
DOI: 10.18384/2310-7235-2021-4-21-39